

Вет. Москва, 1993, 30.06.93, 43

О «круглом столе» «Возрождение России», состоявшемся в стенах Российской академии наук, «ВМ» уже писала. В этих публикациях автор сделал для себя открытие, которое для профессиональных психологов, видимо, не является неожиданностью: большинство людей, ступивших однажды на путь диссидентства, остаются инакомыслящими на всю жизнь, независимо от изменений, происходящих в обществе и мире. Такой вывод автор, вероятно, мог бы сделать и раньше, хотя бы на примере судьбы писателя Эдуарда Лимонова. Однако несколько ироническое отношение к его творчеству и патологическая враждебность самого писателя к окружающему миру не позволяли делать сколько-нибудь глобальные выводы. «Круглый стол» в РАН заставил серьезно задуматься над про-

блемой диссидентства. Знаменитые некогда правозащитники, не один год отсидевшие в соцлагерях и психушках, одинаково яростно клеймили и Запад, где они сейчас живут, и посткоммунистическую Россию, во имя демократии в которой они когда-то пострадали. Национал-патриотическая и прокоммунистическая печать Москвы использовала эти выступления с максимальной для себя выгодой, не пожалев для них газетной площади.

Но было и другое выступление, которое журналисты-правдолюбцы либо не заметили, либо цитировали с такими купюрами, что просто неловко за авторов. Желая восстановить справедливость, «ВМ» решила опубликовать выступление живущего в Америке известного русского писателя Василия Аксенова без сокращений.

Василий АКСЕНОВ:

ВЕРНУЛСЯ РОДСТВЕННИК ИЗ ССЫЛКИ

ЛАМПОЧКУ ИЛЬИЧА ИЗОБРЕЛ... ЛЕНИН

Российская цивилизация завершает цикл, смысл которого мы сейчас пытаемся угадать. Быть может, все основные пороки этого цикла стояли на фанатичном следовании своему собственному курсу, так называемой самобытности, российской исключительности и надуманному мессианству. Все истинное, естественное всегда связывалось с Россией, и только с Россией. Известный священнослужитель решил заявить в интервью, что единственно истинной религией в мире является Русская Православная Церковь. Все же остальные, как христианские, так и нехристианские конфессии (а их в мире триста), добавил он, — от лукавого.

Русский коммунизм только внешне является концепцией западного или, так скажем, интернационального происхождения. Запад никогда не относился к марксизму с российской звериной серьезностью. В западных странах марксизм прошел, как легкие приступы кори, и в дальнейшем эффективные прививки были найдены. Россия ухватилась за марксизм с яростью и фанатизмом прежде всего для того, чтобы обособиться. Истинной мишенью для большевиков была не империя, а возникшее после реформ 1861 года почти либеральное общество почти западного типа. Либеральные идеи федерализма тогда уже начали созревать даже в самых высоких эшелонах имперской власти.

Было замечено, что рост России или, точнее говоря, ее расположение начинает принимать зловещий характер. От поля Куликова Россия прибавляла ежедневно 54 квадратных версты. В 1909 году граф Сергей Витте с группой других интеллектуалов-государственников подал государю записку, смысл которой состоял примерно в следующем: Россия слишком велика, мы можем не выдержать, нам нужно сокращаться. Никто из большевиков эпохи коммунистического расцвета не мог высказать такую крамольную мысль. Смысл их существования состоял именно в расширении, в затягивании все новых территорий в замкнутую сферу. Вместе с территориями в замкнутую сферу (или, по новому жаргону, в зону) затягивалась вся суть человеческой жизни. Для того чтобы внутренне человек не трепыхался, все внешнее подвергалось хуле и вражде. Антикапитализм на самом деле был яростным антизападничеством.

Бесконечно оперируя эвфемизмами, большевистская пропаганда говорила «империализм» — подразумевала «Запад, интеллигенция, плюрализм, личность». Впрочем, в расцвете своего могущества, т. е. при Сталине, большевизм научился называть вещи своими именами и проявил крайний национальный шовинизм, когда в одночасье изобретателем всех человеческих достижений был объявлен русский народ. Западу не оставили даже такой малости, как электрическая лампочка. Большевизм наконец-то открыто проявил свою шовинистическую суть. Исторически промежуточное расположение русской земли породило исключительное по своей численности поколение межуемков, которому в конце концов пришлось приветствовать сдвиг, отвергший все стороны света, кроме национально-коммунизма.

Русь, которая в древности была дорогой, стала зоной. 70 лет советского режима были, по сути дела, временем интенсивной разборки петровских, а главное — александровских реформ. И они добились своего. Была создана отдельная чудная планета, а главное — был создан житель этой планеты, для которого люди извне были в лучшем случае какими-то мифическими существами вроде кентавров. Для моего поколения советских юношей в начале 50-х изучение иностранных языков относилось к сфере абстрактных знаний. Никто никогда и не мечтал, что когда-нибудь эти знания можно будет применить для живого общения. Никто никогда не мечтал увидеть какого-либо иностранца, кроме военнопленного. Один мой друг однажды признался, что первая встреча с западным иностранцем произвела на него не меньшее впечатление, чем потеря невинности.

То, что произошло в результате всего этого разгула тупости, гордыни, тщеславия, утопических грез, звериной жестокости, вековой расхлябанности и высокомерия, властолюбия и заботности, в результате бездумного отторжения самих себя от своей собственной религиозно-этнической группы наций, — известно всем. В конце концов мы собираемся на форум о путях возрождения России.

КАК ИЗ ТАНКА ПОСТРОИТЬ РОЯЛЬ

Осмелюсь предположить, что возрождение нашей страны просто не-

мыслимо вне контекста западной цивилизации. Для того чтобы выжить или предложить своим детям и потомкам лучшую жизнь, мы должны просто-напросто отбросить все свои благоглупости, осознать себя частью европейско-американского христианского мира. Без Запада невозможно ни одно наше возрожденческое мероприятие. Вообще неосуществим задуманный ренессанс. Пытаясь в одиночку перестроить нашу чудовищную промышленность, мы угодились бы человеку, который хочет разобрать танк и построить из его частей концертный рояль. Нечего и говорить, насколько мы беспомощны в области торговли, и особенно в области торговли предметами человеческого спроса. В этой сфере каждый наш гражданин, на-

В. АКСЕНОВ (1967). Фото В. АХЛОМОВА. (из архива «ВМ»)

Русский коммунизм только внешне является концепцией западного или, так скажем, интернационального происхождения. Запад никогда не относился к марксизму с российской звериной серьезностью. ...Русь, которая в древности была дорогой, стала зоной. 70 лет советского режима были, по сути дела, временем интенсивной разборки петровских, а главное — александровских реформ.

чиная от парикмахера и кончая главами фирм, должен признать себя учеником первого класса западной школы. Русский никогда не отличался особенной чистоплотностью и благоразумным отношением к окружающей среде. А за годы бесконтрольного хозяйничанья большевиков из всего свода народных мудростей усвоена была лишь одна, самая пугающая: сор из избы не выносить.

Грозным предостережением PROVIDENCIA ветер из Чернобыля пошел на Запад. Иначе мы никогда бы не узнали о беде и продолжили бы строить свой смертельно опасный социализм. Запад как основное сре-

Мы жаждем получить режим наибольшего благоприятствования, а сами практически не благоприятствуем западникам, желающим вкладывать деньги и получать прибыли. Между тем преодолеть порочный круг можно, только открыв всевозможные двери и с открытой душой пригласив войти без оглядки.

доточие мирового здравого смысла и в области экологии пришел или приходит к разумным концепциям. Без его опыта в этой сфере мы бесильны, потому что до сих пор думаем только в сиюминутных категориях или забываем даже о них. Почему, например, в Москве, как в Лос-Анджелесе, не сообщается ежедневно химический состав воздуха в разных районах города? Пресловутый смог Лос-Анджелеса — это океанский бриз по сравнению с воздухом московских набережных и Садового кольца.

Помнится, все почтовые отделения в Советском Союзе были украшены ленинской мудростью — «Социализм без почт, телеграфа, машин — пустейшая фраза». Социализм держал в своих наждачных лапах почту, телеграф и машины, но без западных компьютеров он оказался еще более пустейшей фразой. Последствия изоляции разрушили саму изоляцию, однако в практическом смысле мы до сих пор живем в дремучую ленинскую пору. Даже и в той области, где самыми пышными лопухами цвела наша гордость великоросса, т. е. в вооруженных силах, назрела необходимость в западном опыте — превращении гигантской рекрутчины в эффективный отряд профессионалов, специалистов по обороне.

«ВЫ ВПЕРВЫЕ НА ЗАПАДЕ, АКСЕНОВ-САН?»

В конце 1962 года я впервые покинул пределы социалистического лагеря и отправился в составе маленькой писательской делегации в

Японию. Там на пресс-конференции журналисты меня спросили: «Вы впервые на Западе, Аксенов-сан?» Мой ответ вызвал сочувственный смех в зале: «С каких это пор Япония стала располагаться к западу от России?» Все, конечно, знали, с каких.

Россия стала смещаться к Востоку начиная с 17-го года, а Японию ушла на Запад после военного поражения в 45-м году. Только полное открытие на Запад обеспечило феномен японского процветания. А ведь ей это было, очевидно, труднее сделать, чем России, как этнически и религиозно чуждой цивилизации. За два года, прошедших с августовской революции, Россия прошла большой путь к новой реальности. Но все-таки ее не достигла. Запад пока что только вглядывается внутрь с российских порогов. Мы приглашаем, однако все еще с привычной советской лукавинкой. Нам кажется, что ее никто не замечает, однако Запад видит, что психологически мы еще отдалены. Он не вполне уверен в наших намерениях.

В этот раз, направляясь на родину, я не летел над Атлантическим океаном, а пять дней плыл по нему на большом пассажирском пароходе. Кажется, я был единственным русским среди двух тысяч пассажиров. Это вызвало любопытство у попутчиков-бизнесменов. «Валите в Россию, ребята, — говорил я им, — страна огромных возможностей». Ребята сдержанно кивали и почесывали свои толковые башки. Возможности, конечно, есть, но и сомнений немало. Огромные налоги, таможенные барьеры, политическая нестабильность, рост национализма. Разговоры такого рода ведутся повсюду на Западе. Мы жаждем получить режим наибольшего благоприятствования, а сами практически не благоприятствуем западникам, желающим вкладывать деньги и получать прибыли. Между тем преодолеть порочный круг можно, только открыв все возможные двери и с открытой душой пригласив войти без оглядки.

Постоянно слышишь разгосоры о том, что Запад хочет поживиться за счет России. Хорошо, если бы нашлось достаточно того, чем можно поживиться. Природа современного западного бизнеса такова, что, поживляясь, он неизбежно создает двустороннее движение, даже если сам не хочет, в котором выигрывает не только он сам, но и та сторона, за счет которой он поживляется. Кто сейчас покупается на трепло-гию об империалистическом ограблении!

БЫЛ ЛИ БЛОК СКИФОМ?

Мы должны во всех сферах, как внешних, так и внутренних, закончить нашу столетнюю войну с Западом. Когда-то было сказано: «Да, скифы мы! Да, азиаты мы! С раскосыми и дикими глазами». Однако не следует забывать, что сказано это было поэтом с внешностью итальянского католического юноши, с кудрявым ореолом волос и с патрицианским носом. Да к тому же еще с немецким именем. «Поскребите любого русского — и найдете татарина», — сказал в прошлом веке высокомерный пруссак. И это верно. Однако прежде чем вы доберетесь до татарина, перед вами может мелькнуть и немец, и еврей, и

поляк, и француз. А под татаринком, коннув глубже, вы непременно обнаружите и варяга, и грека. С другой стороны, вы поскребите любого татарина и найдете русского. В силу равнинного расположения и перекрещивания дорог здесь образовалась, может быть, самая космополитическая компания. Мы все перемешались и создали российский этнос европейского типа.

Мое поколение советских людей выросло почему-то с сильной ностальгией по Западу, присоединившись таким образом к Пушкину и Лермонтову, а не к Павке Корчагину. Однако не только Россия томилась по Западу, на Западе тоже всегда жила грусть по утраченной России. При всем вполне понятном подозрении и готовности к отпору Запад явно мечтал о каких-то фантастических временах, когда Россия вернется со всеми своими борщами и Достоевскими. И вдруг эти фантастические времена настали. Возникла возможность приобщить Россию к семье наций и сделать немислимой войну между Россией и Западом, как немислима, скажем, сейчас война между Францией и Англией, когда-то сто лет подряд трепавших друг друга.

Мне кажется, что Запад испытывает сейчас не только чувство облегчения от ослабления угрозы, но и чувство прибавления семейства, как будто некий родственник возвратился в родные места после ссылки. Не исключено также, что Запад подспудно ощущает приход России как прибавление общей силы, нечто вроде «нашего полку прибыло», перед лицом грядущих геополитических конфронтаций.

В исторически короткий срок в мире, очевидно, начнется кардинальная перестановка сил. Российский тоталитарный марксизм рухнул, но это не значит, что угроза тоталитаризма исчезла. Новые чудовища поджидают нас за углом. Гигантская человеческая масса Китая, соседние КНДР и Вьетнам объединены идеологией азиатского коммунизма. В лице Ирана и некоторых арабских стран крепнет новый непримиримый соперник западной демократии. Гуманистическая религия ислама при помощи хитроумных махинаций превращается в тоталитарную идеологию. В этих условиях Запад интуитивно, иррационально, хотя бы основываясь на этнической и религиозной общности, видит в России прибавление своей силы. В этом пункте сходятся в единый пучок интуиция России и Запада. В смутные времена дробления и непредсказуемых перестановок Россия обретает могучий тыл, готовый в любом случае прийти на помощь. Альтернативой этому союзу будет только распад на кучки жалких сателлитов нового тоталитаризма и вырождение российской цивилизации.

В АМЕРИКЕ НАДО ГОВОРИТЬ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ

Помимо этих глобальных соображений следует еще сказать, что без российского творчества, интеллектуального потенциала уже сейчас почувствует себя обделенным. Грандиозная выставка русского авангарда в США показала американцам, что Россия далеко не всегда была имитатором западных течений. В академическом мире США сейчас бытует шутка: чтобы получить хорошую работу, надо быть физиком и говорить с русским акцентом. Как-то я познакомился с бизнесменом, который изучает российскую технологию и покупает патенты. Оторванные от мира, они искали свои пути, говорит он, и нередко находили оригинальные решения. Так что дело не всегда пахнет керосином, если иметь в виду жажду природных ресурсов.

Хорошо известен тип русского человека, который повсюду находит заговоры против своей уникальности, который никогда не устанет видеть в Западе коварного обманщика. Он говорит, что Россия, интегрируясь с Западом, потеряет свою самобытность. Чуть ли родной язык не забудет, бедная красавица. Этот тип русского человека напоминает мне одного писателя-почвенника из издательства «Современник», который при виде вывесок пельси-колы впадал в сущую истерику и вопил: «Нам этого не нужно, у нас свой напиток есть — квас. Квас лучше!» Как-то я ему сказал: «Ну пусть будет и то, и другое!» Он захлебнулся, ошеломленный.

Голландец, будущий жителем Запада, остается голландцем. Швед есть швед, не говоря уже об испанце — простите мне прописные истины. Благополучному народу легче сохранить свою самобытность, чем ленинизированной злобному сброду. Россия, став частью западного мира, конечно, останется Россией, несмотря на настырный напор западной массовой культуры. Больше того, она сможет хотя бы отчасти повлиять на Запад в сторону улучшения вкуса и смягчения тоталитарных тенденций, существующих и на Западе. Я имею в виду, разумеется, массовый рынок культуры, навязывающий повсюду свои торговые стереотипы. Русские со своим опытом противостояния тоталитаризму могли бы активно прерывать порочный круг навязывания вкусов.

Пока этого, к сожалению, не происходит. Пока что мы поглощаем только дешевку, преисполняемую пиететом совсем не перед тем, перед чем надо преисполняться. Вклад наш в общеевропейское дело еще очень мал. Но это только начало. Со временем, надеюсь, Россия станет неотъемлемой частью западной цивилизации. А советский человек избавится от своей постоянной глумливой, трусливой и нагло ухмыляющейся в адрес Запада.

Сказанное выше вовсе не означает прекращения антизападной, славянофильской школы в России, но только настораживает против ее фашистско-коммунистических тенденций. Парадокс состоит в том, что западный путь обеспечивает развитие всех школ мысли, в том числе антизападной, в то время как антизападный путь прихлопнет все.

Публикацию подготовил
к печати
Ю. АЙДИНОВ